

ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А.И. Абдула

В числе проблем современной социальной философии проблема рациональности является, по нашему мнению, одной из наиболее актуальных. Как отмечает И.П. Фарман, традиционно существующие в современной философской литературе версии ее интерпретации в настоящее время корректируются и одной из ведущих становится социокультурная версия [11, с. 258]. Тем не менее, если говорить о понятии «социальной рациональности», то его разработка еще далека от завершающей стадии. В ряде работ, посвященных данной проблеме, социальная рациональность трактуется достаточно широко, скорее, действительно, как рациональность социокультурная, в других же — разрабатывается ее социологический аспект. Эти исследования, как правило, наследуют принципы, представленные в концепциях социального действия и коммуникативной рациональности и предполагают комплексный анализ данного феномена, учитывающий соотношение ценностного, практического и целерационального его аспектов (см.: [10], [6]).

Мы, в свою очередь, предлагаем использовать понятие социальной рациональности для того, чтобы охарактеризовать специфическую форму проявления рациональности в социальной сфере как комплексного феномена, акцентируя внимание, прежде всего, на соотношении «открытого» и «закрытого» его типов. При этом мы исходим из универсальности методологии критического рационализма, позволяющей нам экстраполировать общие принципы рациональности в соци-

альную сферу (Подробнее о проблеме «перехода» от эпистемологии к социальной философии в рамках критического рационализма см. [1]).

Рассматривая проблему соотношения «открытого» и «закрытого» типов рациональности, можно говорить о том, что они взаимодополняют друг друга, но в то же время находятся в определенной иерархии. Так, по мнению В.С. Швырева, «открытая» рациональность представляет собой высший тип, который соответствует деятельности «Разума», а «закрытая» рациональность, — низший тип деятельности «Разсудка» [12, с. 20]. Рациональная деятельность «закрытого» типа характеризуется движением в некоторой заданной концептуальной схеме, которое исходит из совокупности предпосылок и положений, определяющих ее рамки и структуру. Эта деятельность предполагает уточнение входящих в концептуальную схему понятий, выявление новых связей между ее элементами, экспликацию рационально-познавательного содержания и т. д. Что касается «открытой» рациональности, то она направлена на критический рефлексивный анализ исходных предпосылок концептуальных систем, лежавших в основе ее познавательной позиции определяющей ее парадигмы и связана с выходом за рамки жесткой концептуальной схемы [12, с. 14–15]. Развивая эту концепцию, В.Н. Порус предлагает рассматривать «закрытый» тип рациональности не как низший по отношению к «открытому» ее типу, а как дополняющий его, находящийся с ним в парадоксальной «смысловой сопряженности». При этом «принцип дополнительности» выступает как основной принцип рациональной критики (см.: [9]).

По нашему мнению, «открытую» и «закрытую» рациональности следует трактовать скорее как своего рода идеальные типы, учитывая что «открытость» рациональности обеспечивает ее вариативность и динамику, а «закрытость» — внутреннюю целостность и устойчивость (хотя иерархия этих типов, которую констатирует Швырев, несомненно имеет место). При этом следует подчеркнуть, что деструктивными являются их абсолютизированные формы, в то время как нельзя полностью отрицать значимость ни «закрытого» ни «открытого» типа.

Распространяя этот подход на феномен рациональности в функционировании общественных систем, нам представляется возможным выделить как для «открытой» так и для «закрытой» рациональности ряд принципов, которые в своей совокупности характеризуют социальную рациональность. Для «открытой» рациональности — это, прежде всего, принципы плюрализма, критики и погрешимости, которые нашли свое отражение в философии критического рационализма (см.: [1]).

Принцип плюрализма позволяет рассматривать варианты разрешения той или иной проблемной ситуации. Запрет на плюрализм ограничивает возможности выбора и потенциально отсекает наиболее эффективные решения, что может привести к нежелательным последствиям. В частности, неплюралистический подход оказывается менее конкурентоспособным. В науке плюрализм проявляется как возможность выбора альтернативных теорий, в философии (в том числе и практической) — определенных концепций, точек зрения, установок, в социальной практике — альтернативных планов действия.

Принцип критики — центральный принцип философии критического рационализма, подразумевает возможность осуществления критических дискуссий при соблюдении необходимых условий коммуникации. Критика обуславливает смену альтернативных концепций, теорий, планов. Вне критики невозможен прогресс знаний в науке и в философии, функционирование демократического общества. В то же время критика подразумевает связь теорий, концепций с реальностью и практикой.

Принцип погрешимости подразумевает, что наши взгляды, планы или теории являются потенциально ошибочными. Этот принцип тесно связан с антифундаменталистской установкой, как с идеей отказа от поиска окончательных и неоспоримых оснований знания.

В то же время перечисленные принципы «открытой» рациональности, необходимо дополнить и рядом установок «закрытой» рациональности. Исходный пункт здесь — необходимость обеспечить определенные ограничения, прежде всего «гарантирующие» стабильность и эффективность функционирования той или иной системы (речь может идти, например, о реализации определенного плана действий в социальной реальности). В частности, это ограничение подразумевает учет влияния разного рода факторов (в том числе иррациональных или внерациональных), обеспечивая связь с реальностью, а также указывает на определенную опосредованность связи между критикой и опровержением. Это означает, что допускается возможность дальнейшего осуществления определенного плана деятельности или существования теории даже в случае ее «столкновения» с опровергающим ее фактом. Необходимо подчеркнуть, что ограничивающий фактор «закрытой» рациональности подразумевает, прежде всего, необходимые ограничения фальсификации, но не критики. В сфере науки эти ограничения носят временный характер и могут рассматриваться в разных проекциях (ср. концепции Лакатоса и Куна). В философии фальсификация иногда вообще представляется затруднительной, например, в

случае конкуренции различных метафизических концепций. Подобные ограничения вполне допустимы и в социальной реальности, когда приветствуется всякая критика, но возможность «фальсификации» крайне ограничена, хотя вполне допустима по истечении заданного срока. Их иллюстрацией может служить, в частности, необходимость осуществлять выборы (например, президентские) через определенные промежутки времени — критика обеспечивает немедленное переизбрание лишь в исключительных ситуациях.

Принцип ограничения было бы целесообразно дополнить *принципом эффективности*, который состоит в том, что реализация конкретного плана в заданных рамках тем рациональнее, чем адекватнее те средства, которые были использованы для его достижения. Этот принцип характеризует, однако, не только «закрытую» рациональность, но и «открытую», поскольку наиболее эффективное развитие осуществляется именно в соответствии с предложенными принципами «открытой» рациональности.

Предложенные принципы, характеризующие рациональность (но не исчерпывающие всей ее многомерности), на наш взгляд, вполне адекватно характеризуют и социальный аспект функционирования рациональности.

Тип общества, основу которого составляют принципы «открытой» рациональности, был охарактеризован в социально-философской концепции Карла Поппера и получил название «открытое общество». Открытому обществу может быть противопоставлено общество «закрытого» типа, абсолютизирующее «закрытую» рациональность, которой сопутствует ряд установок иррационального характера.

Исходную характеристику этих типов обществ можно найти в работах Анри Бергсона, который первый противопоставил основанное на принуждении «закрытое» общество обществу «открытому», стремящемуся к реализации высших моральных ценностей.

Закрытое общество, по А. Бергсону, функционирует в соответствии с жестко заданными установками — моральными нормами и религиозными запретами, которые транслируются посредством механизма обычаев и традиций. «Закрытое общество — это такое общество, члены которого тесно связаны между собой, равнодушны к остальным людям, всегда готовы к нападению или обороне — словом, обязаны находиться в боевой готовности. Таково человеческое общество, когда оно выходит из рук природы. Человек создан для него, как муравей для муравейника» [2, с. 288]. В то же время, «Открытое общество ... охватывает все человечество. О нем вновь и вновь мечтают избранные

души, и оно каждый раз реализует нечто от самого себя в творениях, каждое из которых, через более или менее глубокое преобразование человека, позволяет преодолевать трудности, до того непреодолимые» [2, с. 289].

В основании этих обществ находятся соответствующие типы морали и религии: «Есть мораль статическая, существующая как факт в данный момент, в данном обществе; она закрепились в нравах, идеях, институтах; ее обязательный характер в конечном счете сводится к природному требованию совместной жизни людей. Существует, с другой стороны, динамическая мораль, которая является порывом и связана с целостной жизнью, творящей природу, которая сотворила социальную потребность. Первая обязанность, являющаяся принуждением, субрациональна. Вторая, являющаяся стремлением, суперрациональна» [2, с. 290]. Открытому обществу соответствует динамическая мораль, которая характеризуется любовью ко всему человечеству, отказ от материального в пользу духовного и т. д.

Поппер заимствовал у Бергсона понятия «открытое» и «закрытое» общество, однако, его интерпретация выходит далеко за рамки предложенной Бергсоном.

«Закрытое общество», по Попперу, — это общество «магическое» и «коллективистское». Для него характерны соответствующие принципы, которые показывают, как именно это общество должно развиваться, установлены определенные цели, к которым оно должно стремиться. Правители (как правило, тираны или олигархические группы) зачастую реализовывали философские утопические проекты на практике, утверждая собственную власть в рамках тоталитарного государства, которое, как правило, соответствует закрытому обществу [4, с. 48]. Как и Бергсон, Поппер допускает биологическую интерпретацию обществ такого типа: «Закрытое общество в его лучших образцах можно справедливо сравнить с организмом. Так называемая органическая или биологическая теория государства достаточно успешно применима к нему. Закрытое общество сходно со стадом или племенем в том, что представляет собой полуорганическое единство, члены которого объединены полубиологическими связями — родством, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами. Это — все еще конкретная группа конкретных индивидуумов, связанных друг с другом не только такими абстрактными социальными отношениями, как разделение труда и обмен товаров, но и конкретными физическими отношениями типа осязания, обоняния и зрения. И хотя такое общество может быть основано на

рабстве, наличие рабов не обязательно создает проблемы, радикально отличные от проблем ухода за домашними животными» [7, с. 219]. Для закрытого общества характерен «историцизм», как претензия на то, чтобы тем или иным путем предвидеть «законы истории», воплотить их в жизнь и жить под руководством тех, кому эти законы известны. Достижение поставленных целей, соответствующих «историческим законам» в закрытом обществе, обеспечивается карательными органами, которые находясь под руководством власти помогают эти цели осуществить [4, с. 50].

Несмотря на то, что закрытое общество просуществовало достаточно долго (и продолжает в различных формах существовать и до сих пор), в Древней Греции, приблизительно в V в. до н.э., состоялся революционный переход, который во многом предопределил характер развития современной Западной цивилизации. В его основе лежат два фактора: материальный — развитие торговли и судоходства между Афинами и колониями и духовный — связанный, прежде всего, с возможностью свободного и критического обсуждения проблем. Влияние материального фактора выразилось в том, что «тесные связи с другими племенами подрывали господствующее в то время чувство необходимости существования племенных институтов, а торговля, т.е. коммерческая инициатива, по-видимому, была одной из немногих форм деятельности, с помощью которых даже в обществе, где еще преобладал племенной строй, могла развиваться индивидуальная инициатива и независимость» [7, 22]. Духовный фактор Поппер связывает с зарождением рационалистической традиции, как «критики и дискуссии, а вместе с ними и искусства мыслить» [7, с. 222].

Результат этой революции Поппер оценивает следующим образом: «В то же самое время возникли и первые симптомы новых трудностей. Стало ощущаться напряжение цивилизации. Это напряжение и эти трудности явились следствием краха закрытого общества. Они ощущаются еще и в наши дни, особенно во времена социальных изменений. Это напряжение порождено нашими действиями, которых непрерывно требует от нас жизнь в открытом и частично абстрактном обществе. Я имею в виду наше стремление быть рациональными, воздерживаться от удовлетворения, по крайней мере, некоторых из наших эмоциональных потребностей, следить за своими поступками и брать на себя ответственность. Мы должны ... принимать это напряжение как плату за каждое наше продвижение в знании, в разумности, в сотрудничестве и взаимопомощи, а следовательно, в наших шансах на выживание в условиях роста численности населения. Это цена, кото-

рую мы должны заплатить за то, чтобы быть людьми» [7, с. 221].

Общество, которое Поппер характеризует как «открытое», теряет свой органический характер и приближается к «абстрактному обществу», в котором биологические и физические связи уступают место духовным. В открытом обществе личная рациональная ответственность лежит на самих индивидах: «В наше же время многие принимают рациональные решения, касающиеся желательности или нежелательности новых законов и других институциональных изменений, т. е. решения, основанные на оценке возможных последствий наших действий и на сознательном предпочтении некоторых из них» [7, с. 219].

Историцистским пророчествам, характерным для закрытого общества, Поппер противопоставляет «социальную инженерию» открытого общества. В отличие от историцистов, сторонники социальной инженерии считают, что научная основа политики состоит не в выяснении целей или законов истории, а в сборе фактической информации, необходимой для построения или изменения общественных институтов в соответствии с нашими целями или желаниями [7, с. 54]. Однако не всякую социальную инженерию следует трактовать позитивно: стратегия «утопической социальной инженерии», в соответствии с которой следует ставить конечную цель развития общества (по аналогии с целерациональным типом действия, описанным Вебером), должна быть, согласно Попперу, признана несостоятельной, поскольку требует сильной централизованной власти немногих, что чаще всего ведет к диктатуре [7, с. 202].

В то же время «частичный социальный инженер» занимается улучшениями и поправками в своей сфере деятельности, не пытаясь, проектировать и модернизировать все общество. Он предлагает сравнительно легко осуществимые проекты, неудача с которыми не влечет за собой глобальных последствий, убытки при этом незначительны — бороться с реальными проблемами всегда проще, чем стремиться к абсолютному идеальному благу и искать пути его достижения [7, с. 203]. Все наше знание социальных условий основано на опыте, полученном в результате таких экспериментов, а наиболее «информативными» будут эксперименты, которые проводят поэтапное реформирование социальных институтов — это позволяет выяснить специфику их взаимодействия, настроить функционирование этих институтов в соответствии с нашими намерениями [7, с. 205]. «Этот процесс в конечном счете может привести к разумному положению дел, когда политики начнут выискивать свои собственные ошибки — вместо того, чтобы пытаться оправдаться или доказывать, что они всегда правы. Именно так,

а не путем утопического планирования или исторических пророчеств сфера политики сможет обогатиться научным методом, так как тайна научного метода состоит всего лишь в готовности учиться на ошибках» [7, с. 205–206].

Стратегия поэтапной или частичной социальной инженерии тесно связана с идеей демократии, которая является выражением концепции «открытого общества» в социально-политической сфере.

Демократия в этом смысле трактуется не как власть большинства, а скорее как тип социального устройства, в котором защищены интересы меньшинства — это тип управления при котором ответственность за принятие решений лежит на самих гражданах [4, с. 51]. Демократия для Поппера — единственный этически оправданный тип социального режима, при котором государство не только существует для своих граждан, но и отстаивает их свободы в соответствии с «гуманистической теорией справедливости» [13, с. 69]. Эта теория выдвигает три основных требования: (а) собственно принцип эгалитаризма, т. е. предложение устранить «естественные» привилегии, (б) общий принцип индивидуализма и (с) принцип, в соответствии с которым задача и цель государства — защитить свободу своих граждан. [7, с. 132]. Очевидно, что подобное понимание справедливости подразумевает, прежде всего, разрешение любых споров в процессе критических дискуссий свободных равноправных индивидов. Для демократии характерна смена власти мирным путем, в то время как для противопоставляемой ей тирании, обойтись без кровопролития невозможно [7, с. 164–165].

В то же время Поппер отстаивает демократию не только из этических соображений — для него это наиболее эффективный социальный режим [13, с. 70]. Эта эффективность, по нашему мнению, обеспечивается возможностью осуществления критики, осознанием потенциальной ошибочности наших теорий и планов, плюрализмом, понимаемым как возможность формулировать и реализовывать альтернативные планы. «Подобно тому, как в науке не может быть роста и совершенствования знаний без демократии, так и в политике демократия выступает не только самой справедливой, но и самой успешной, действенной формой правления. . . Политика как и человеческое знание не застрахована от ошибок и поэтому суждения простых граждан должны рассматриваться как источник ценного политического критицизма» [13, с. 70].

В общем виде предложенная Поппером трактовка демократии, очевидно, может быть выражена в ряде положений (см.: [4]), которые, по нашему мнению, в своем основании содержат принципы социальной

рациональности:

1. Политическая власть осуществляется на основе суверенного выбора граждан, временно передающих ей полномочия в принятии решений относительно определенного круга вопросов общезначимого характера. Сама по себе власть не должна быть суверенной — суверенитет служит не самой власти, а лишь гражданам, которые ее избирают. Этот принцип, как нам представляется, подразумевает, прежде всего, возможность ошибочности, как в процессе оценки возможностей потенциального кандидата на избираемую должность, так и в процессе реализации правителем своих полномочий. Поэтому центральный вопрос так называемой теории «неконтролируемого суверенитета»: «Кто должен править?» должен быть заменен вопросом: «Как нам следует организовать политические учреждения, чтобы плохие или некомпетентные правители не нанесли слишком большого урона?», выражающим основную идею теории «контроля и равновесия» [7, с. 161].

2. Равновесие обеспечивается разделением власти на законодательную, исполнительную и судебную, а контроль над властью должен осуществляться «институциональным путем» — т.е. в рамках закона. Такой контроль предупреждает бездействие и бессилие власти, он подразумевает, прежде всего, создание, развитие и охрану политических институтов, позволяющих избежать тирании, а его функцию могут осуществлять политические партии и организации [7, с. 165]. Власть должна быть организована максимально эффективно, ограниченной и контролируемой в своих действиях. Можно говорить о том, что ограничивающие факторы вырабатываются, в основном, в процессе критических дискуссий.

3. В демократическом обществе меньшинству, в духе плюрализма, должна быть обеспечена возможность осуществления мирных перемен, путем критики большинства и формулировки собственных альтернативных программ в рамках закона. Смена власти должна происходить на основе существования института всеобщих выборов. В то же время, в соответствии с идеей «закрытой» рациональности, должны быть запрещены изменения, подразумевающие нарушение закона и, прежде всего, направленные против демократии. Изменение законов так же осуществляется в духе критического плюрализма. Открытому обществу присуща четкая дифференциация нормативных (правовые акты, моральные заповеди) и «естественных законов». При таком подходе, именуемом «критическим дуализмом», нормативные законы считаются рукотворными, а значит — могут быть изменены человеком. «Критическому дуализму» открытого общества, противопоставляется

«наивный монизм», характерный для закрытых обществ, — состояние, в котором природные и нормативные законы не размежевываются [7, с. 92-95].

4. Открытое общество должно преследовать локальные, конкретные цели, проявлять заботу о людях и обеспечивать функционирование демократических институтов. Демократия, по Попперу, обеспечивает институциональные рамки реформирования политических институтов, основанного не на насилии, а на разумном проектировании новых институтов и регулировании старых, согласно предложенной Поппером стратегии социальной инженерии (очевидно, что эта стратегия подразумевает принципы социальной рациональности).

5. Функции государства: а) обеспечить реализацию законов и оборону государства, равно как и защиту демократических прав и свобод; б) государство должно защищать свободу и равенство граждан (посредством судебных и избирательных органов), но в то же время свобода должна быть ограничена законом, поскольку в противном случае она уничтожает сама себя — в этом проявляется «парадокс свободы»; в) защита от неограниченной эксплуатации в сфере экономики. Посредством этих функций разум ограничивает как собственное вмешательство, так и определенные спонтанные процессы.

Развивая концепцию Поппера, В. Качоха достаточно уместно, на наш взгляд, формулирует ряд дополнительных принципов, органично в нее вписывающихся, и относящихся в первую очередь к общественной сфере. Речь идет, прежде всего, об идее свободы в позитивном и негативном значении, принципе общего блага и принципе коммуникации. Эти принципы, по нашему мнению, также можно рассматривать как реализацию идей социальной рациональности.

Позитивная свобода предполагает такой уровень сознания граждан, когда они на основании своего знания и опыта сознательно вносят вклад в развитие демократии и открытого общества. В общественной сфере этот принцип означает, «что гражданин обладает суверенным правом принятия решений в вопросах инициирования и реализации самостоятельно избранных общественных процессов в экономике, культуре, в создании таких важных для функционирования открытого общества институтов, как охрана здоровья, общественная безопасность, социальная помощь и т. д.» [4, с. 56]. В свою очередь, негативная свобода подразумевает возможность критики открытого общества. Однако, хотя такая критика и допустима, она должна быть ограничена понятием общего блага и закона, в противном случае она будет угрожать открытому обществу. Общее благо — это само открытое общество, иде-

алы и принципы которого сознательно принимаются гражданами и которые стремятся поддерживать и оберегать его. Для этого необходимо общественное согласие, которое поддерживается в рамках закона, единого и справедливого для всех. Поэтому, «понятно, что необходимым условием демократии служит *публичная* политика. ... Основой публичной политики служит коммуникация. Просто потому, что нет — онтологически нет — другого механизма, который позволял бы разделяться, выступать в оппозицию друг другу и, одновременно, объединяться» [5, с. 95]. Не случайно запрет на критику в закрытых обществах, затрагивает прежде всего обеспечивающие коммуникацию СМИ и Интернет.

Что же касается экономической сферы функционирования открытого общества, то, согласно Попперу, она подразумевает существование ограниченного законом свободного рынка: «Государство должно заботиться о том, чтобы никому не приходилось вступать в несправедливые отношения из страха голодной смерти или экономического краха. Это, конечно, означает, что принцип государственного невмешательства в экономику — принцип, на котором основывается неограниченная законодательно экономическая система капитализма, должен быть отброшен. Если мы хотим защитить свободу, то должны потребовать, чтобы политика неограниченной экономической свободы была заменена плановым вмешательством государства в экономику. Мы должны потребовать, чтобы неограниченный законодательно капитализм уступил дорогу экономическому интервенционизму» [8, с. 146]. Однако существует не только парадокс свободы, но и парадокс планирования, поскольку власть в любой форме опасна, если она бесконтрольна, — запланировав слишком много, дав государству излишнюю власть, можно потерять свободу [8, с. 153].

Этот парадокс, по нашему мнению, может быть выражен в терминах теории рациональности как парадокс противопоставления «открытого» и «закрытого» ее типов. Абсолютизация власти в этом контексте ни что иное, как абсолютизация «закрытого» типа рациональности. В то же время абсолютно «свободный» рынок — по сути, выражает иррациональную противоположность открытой рациональности в экономической сфере. Поэтому социальная рациональность может функционировать исключительно как своеобразное (если угодно, диалектическое) единство двух типов рациональности. В то же время, как уже отмечалось, мы должны говорить не о равноправии, а скорее о разумном балансе этих двух типов рациональности, поскольку «открытая» рациональность, по нашему мнению, может рассматрива-

ться как приоритетная. При этом, очевидно, следует говорить о специфике функционирования социальной рациональности в политической и экономической сферах, и поэтому было бы целесообразно остановиться на проблеме взаимодействия этих сфер.

Даная проблематика нашла свое отражение в работах Э. Геллнера, который исследует феномен «гражданского общества», используя это понятие в максимально широком смысле, так, что по своему содержанию оно довольно близко к «открытому обществу» Поппера (книга Геллнера «Гражданское общество и его исторические соперники» по признанию самого автора написана под влиянием идей Поппера [3, с. 237]). По мнению Геллнера, для гражданского общества «в широком смысле» характерно разделение политической, экономической и социальной сфер (последнюю можно трактовать как «гражданское общество» в узком смысле). Важную роль в таком обществе играет политический централизм, поскольку именно он берет на себя обеспечение порядка [3, с. 236]. В этом смысле «экономический плюрализм, не будучи абсолютно совместим с политическим контролем над стратегическими экономическими ресурсами (и даже требует этого контроля)» [3, с. 236].

Хотя политическая сфера «монистична» в том смысле, что функции управления принадлежат государству — внутри него исключена возможность двоевластия или множественности независимых и автономных силовых общностей — свобода обеспечивается посредством экономического и идеологического плюрализма, как необходимого условия функционирования такого общества.

По мнению Геллнера, относительно автономное существование экономики обеспечивает не только наибольшую эффективность функционирования такого общества, оно еще и составляет фундамент социального плюрализма, который в свою очередь требует плюрализма интеллектуального или идеологического, «ибо развивающаяся экономика, составляющая неотъемлемый элемент всей системы невозможна без научных исследований, а наука заведомо несовместима с единым, социально санкционированным или завещанным каким-нибудь авторитетом а priori истинным мировоззрением» [3, с. 235].

Хотя идеи Поппера вполне соотносимы с принципами, отстаиваемыми Геллнером, все же следует отметить существенное для нас различие: Геллнер настаивает на приоритете экономической сферы, в то время, как Поппер говорит о фундаментальном характере политической власти. По нашему мнению, следует все же отказаться от крайнего противопоставления этих позиций, поскольку обе они представлены

в социальной реальности и характеризуют общества «открытого» типа. Так, примером открытого общества с приоритетной политической сферой могут служить так называемые «скандинавские демократии», в то время, как общества, характеризующие Геллнером представляют, в частности, США (хотя можно было бы говорить о перманентной смене приоритетов в развитии стран в связи с приходом к власти одной из политических сил). В любом случае, наиболее остро проблема противопоставления экономической и политической сфер встает при абсолютизации одного из типов социальной рациональности.

Как правило, абсолютизация «закрытого» типа характеризует тоталитаризм в различных его формах (тем не менее, существуют общества где «закрытость» проявляется прежде всего в одной из сфер, например, в политике, в то время как экономика остается относительно «открытой»). Однако можно говорить и об абсолютизации «открытого» типа рациональности — в экономической сфере она выражается в идее неконтролируемого рынка, в то время как в сфере политической проявляется в различных тенденциях дезинтеграции. Следует подчеркнуть, что вне этой абсолютизации общество функционирует в соответствии с принципами социальной рациональности (плюрализма, критицизма и ошибочности, которые взаимосвязаны с идеями максимальной эффективности и ограничения) как открытое общество. Без «открытой» рациональности невозможна демократия, равно как и невозможна рыночная экономика и какое бы то не было гражданское общество. В то же время принципы «закрытой» рациональности удерживают систему от распада, обеспечивая выполнение законов, и позволяя контролировать иррациональные спонтанные процессы, которые могли бы угрожать обществу.

1 Литература

- [1] *Альберт Х.* Трактат о критическом разуме / Пер с нем., вступ. ст. и примеч. И.З. Шишкова. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
- [2] *Бергсон А.* Два источника религии. — М.: Канон, 1994.
- [3] *Геллнер Э.* Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Московская школа политических исследований, 2004.
- [4] *Качоха В. К.* Поппер: альтернатива обществу будущего // Вопросы философии. — 2002. — № 6. — С. 48–59.

- [5] *Никитаев В.* «Повестка дня для России: власть, политика, демократия» // Логос. — 2004. — № 2(24). — С. 91–112.
- [6] *Попов В.В., Щеглов Б.С., Пашковская Т.В.* Циклические аспекты в социальной рациональности // Циклы. Материалы Шестой Международной конференции. — Ставрополь: СевКавГТУ, 2004.
- [7] *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. — Т. 1. — Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- [8] *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. — Т. 2. — Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- [9] *Порус В.Н.* Рациональность; Наука; Культура. — М., 2002.
- [10] *Сивиринов Б.С.* Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. — 2003. — № 4. — С. 3–12.
- [11] *Фарман И.П.* Рациональность как проблема культуры и познания // Исторические типы рациональности. — М., 1995. — Т. 1. — С. 258–282.
- [12] *Швырев В.С.* Рациональность в спектре ее возможностей. // Исторические типы рациональности. — М., 1995. — Т. 1 — С. 8–32.
- [13] *Эйдлин Ф.* Карл Поппер и теория демократии // Философские науки. — № 5. — 1990. — С. 69–80.